MANNERHEIM
ACADEMY
ДРУЖБА
ЗДЕСЬ
СТАНОВИТСЯ
ИСПЫТАНИЕМ
И НЕКОТОР
ТАЙНЫ ЛУЧ
ОСТАВАТ
ЗАПРЕТНЫ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Агата Филатова

Маннергейм: реквием по резистентности

«Автор»
2026

Филатова А.

Маннергейм: реквием по резистентности / А. Филатова — «Автор», 2026

Академия «Маннергейм» выполненная в готическом стиле скрыта глубоко в лесах, подальше от посторонних глаз. Здесь не держат за решеткой, но вырваться отсюда невозможно. Официально это элитный интернат для «трудных» подростков.События начинают развиваться стремительно с прибытием в академию новенькой девушки, Анастасии Крыловой. Череда убийств подростков, которые администрация пытается замять.

© Филатова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Начало конца. 5
Глава 1. Сделка с тенью. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Агата Филатова
Маннергейм: реквием по резистентности

Пролог. Начало конца.

Санкт-Петербург — город огней, истории и бесконечных отражений. Когда сумерки опускаются на гранитные набережные, город преображается, превращаясь в живую декорацию к старинному роману и мистических тайн, спрятанных за парадными фасадами. В лабиринтах проходных дворов-колодцев затаилась иная жизнь, далекая от блеска Невского проспекта. Здесь оживают городские легенды, а туман, поднимающийся от каналов, рисует причудливые образы, заставляя поверить, что Петербург — это не просто география, а состояние души, колеблющееся между явью и сном.

За окном накрапывал дождь, и резкий ветер с Невы заставлял подростков в очереди плотнее кутаться в кожанки и оверсайз-худи. Промокший Петербург жил своей меланхоличной жизнью, но здесь, у входа в клуб, серость разбивалась об энергичное предвкушение: все ждали группу «Фантомный резонанс». Их музыка — дерзкий гибрид надрывного русского рока и глянцевого поп-звучания — была идеальным саундтреком для этого города.

Зал постепенно наполнялся гулом голосов, запахом влажного асфальта и дешевого парфюма. У барной стойки, в переменчивых бликах розового и синего неоноа, уже обосновались те, кто предпочитал наблюдать за хаосом со стороны. Кто-то нервно крутил в руках стакан с лимонадом, вглядываясь в темную сцену, а пара парней в поношенных кедах оживленно спорила о текстах новых песен, перекрикивая доносящийся из динамиков приглушенный бит. Воздух становился плотным и наэлектризованным — еще мгновение, и тяжелый гитарный рифф разрежет эту вязкую тишину, растворяя капли дождя в синтетическом блеске софитов.

На сцену вышла она — Анастасия Крылова. В свете прожекторов её ярко-рыжие волосы вспыхнули настоящим пламенем, а карие глаза, казалось, вобрали в себя всё электричество зала. На тонких руках, уверенно лежавших на микрофонной стойке, хитро сплетались татуировки, которые при каждом движении оживали под прицелом софитов.

— Привет, Питер! — её голос, слегка хриплый и глубокий, мгновенно прошил пространство.

Зал ответил оглушительным, яростным гулом. Тысячи рук взметнулись вверх, создавая живое море в такт её улыбке. Настя обвела толпу взглядом, в котором читался азарт, и чуть прищурилась.

— Я тут подумала... До официального начала еще целых тридцать минут. И зачем вам томиться в ожидании или слушать скучный разогрев? — Она достала смартфон и игриво подмигнула первым рядам. — Я запускаю прямой эфир, который будет транслироваться прямо сюда, на этот огромный экран. Пообщаемся по-светски до того, как всё здесь разнесём в щепки? Ну что, начинаем?

Зал взорвался одобрительным свистом и гулом, а Настя, хитро улыбнувшись, скрылась за тяжелым бархатом кулис. На огромном экране над сценой тут же появилось изображение с её телефона: живое, чуть дрожащее видео в стиле «backstage», создающее иллюзию абсолютной близости.

— Пора показать вам частичку нашей изнанки, — заговорила она, шагая по запутанным лабиринтам проводов и кофров. — Вот здесь у нас святая святых, ударная установка Макса... А вот и сам Макс! Скажи пару слов этим безумцам!

Камера выхватила потного, но сияющего барабанщика, проверяющего педаль.

— Хей-йоу, чуваки! Дадим сегодня жару! — крикнул он, победно вскинув палочки.

Настя смеялась, на ходу комментируя оборудование и выдавая мелкие закулисные секреты, от которых фанаты в зале приходили в экстаз. Она двигалась уверенно, пока камера не замерла перед дверью с лаконичной табличкой. Гримерная Саши. Главного вокалиста, лица группы и по совместительству человека, который был для неё одновременно всем и ничем.

— Ну что, заглянем к нашему главному герою? — бросила она в экран, приоткрывая дверь.

Мир внутри замер и рухнул в ту же секунду. В полумраке гримерки, прямо на столе среди грима и разбросанных вещей, Саша задыхался в объятиях какой-то девицы. Хлесткий звук удара тел о дерево и приглушенные стоны прозвучали громче любого гитарного риффа.

Ярость подкатила к горлу удушливым горячим комом. Крылова застыла, чувствуя, как перед глазами темнеет, а рука с телефоном предательски тяжелеет. Секунда — и эфир прервется, но эта картинка уже выжжена на сетчатке. Она аккуратно, почти бесшумно притянула дверь на себя, отсекая этот позор. Сердце колотилось где-то в висках.

Не давая себе времени на слезы или крик, она развернулась и почти бегом бросилась обратно — туда, где ее ждал ослепительный свет софитов и тысячи людей. Она вылетела на сцену, тяжело дыша, и впилась пальцами в микрофон так, что побелели костяшки.

Зал замер, предчувствуя что-то фатальное. Настя стояла в центре сцены, бледная, но решительная. Гул стих, когда она заговорила прямо в микрофон, и её голос больше не дрожал — он звенел, как натянутая струна.

— Я скрывала о вас одну песню... — она сделала паузу, глядя куда-то поверх толпы. — Думаю, сейчас самое время. Она вам точно понравится.

Аккорды гитары, резкие и надрывные, разрезали тишину. Настя запела. Это не был попрок, это была исповедь. Каждая строчка хлестала правдой: о бесконечных манипуляциях, о холоде в их отношениях с Сашей и, наконец, о той грязи, которую она увидела всего несколько минут назад. Зал слушал, затаив дыхание, осознавая, что на их глазах рушится легенда о «звездной паре».

Но она не успела допеть последнюю строчку. Звук захлебнулся и смолк, свет софитов мгновенно погас, погрузив клуб во тьму. В наступившей тишине послышался тяжелый топот. Саша, разъяренный, как раненый зверь, выскочил на сцену. Не обращая внимания на тысячи глаз, он схватил Настю за плечо и буквально поволок за кулисы.

Телефон, который всё еще транслировал эфир, выпал из её рук, но не разбился. Он упал экраном вверх, продолжая фиксировать происходящее на потолке и стенах гримерки, куда он её затащил.

— Ты что творишь, дрянь?! — его голос, усиленный эхом пустых коридоров, донесся до колонок.

Удар. Глухой звук падения тела. Зрители в зале застыли в ужасе, глядя на огромный экран, где в прямом эфире разыгрывался кошмар. Саша, потерявший рассудок от злости и страха за свою карьеру, наносил удар за ударом. Со стола с грохотом полетела бутылка вина — она разбилась вдребезги, заливая пол алым, похожим на кровь напитком.

Настя, прижатая к полу, инстинктивно шарила рукой по кафелю. Пальцы наткнулись на острый край разбитого стекла. Когда Саша замахнулся для очередного удара, она, не помня себя от ужаса и боли, резко выбросила руку вперед. Осколок вонзился ему прямо в живот.

Всё стихло. Саша удивленно выдохнул, его глаза округлились, он попытался что-то сказать, но из горла вырвался лишь хрип. Он тяжело осел на пол, и его тело обмякло. Тишину гримерки нарушало только прерывистое, всхлипывающее дыхание Насти.

Её глаза налились слезами, застилая мир пеленой. Она смотрела на свои руки, покрытые густой, настоящей кровью, и на неподвижное тело Саши. Зрители в зале видели эту финальную сцену на экране в абсолютной, мертвой тишине.

Трясущимися пальцами она дотянулась до телефона, где все еще шел проклятый эфир. Её глаза были полны страха, руки в багровых пятнах, а на лице виднелись розовые пятна от побоев. Она выключает эфир и набирает в окровавленном телефоне контакт «Не звонить».

— Дядя Миша... — прошептала она в трубку, захлебываясь слезами. — Кажется... мне нужна помощь. Я убила его.

Глава 1. Сделка с тенью.

Стерильная белизна допросной давила на виски сильнее, чем похмелье после самого шумного концерта. Настя сидела неподвижно, глядя на свои руки. Кровь уже отмыли, но ей казалось, что багровые пятна навсегда въелись под кожу, забились под ногти и пропитали татуировки.

Дверь скрипнула. Вошел высокий мужчина в помятом сером пиджаке. Дядя Миша — полковник Михаил Крылов — выглядел так, будто постарел на десять лет за одну ночь. Он бросил на стол толстую папку и сел напротив, не глядя племяннице в глаза.

— Статья 105, Насть. Убийство, — его голос был сухим и надтреснутым. — Весь интернет забит этим эфиром. Адвокаты Саши кусают локти, пытаясь доказать предумышленное, его фанаты требуют твоей крови под окнами управления.

— Он бил меня, — прошептала Настя, и её голос сорвался. — Ты же видел... все видели.

— Видели. Самооборону мы вытянем, но учитывая твой «послужной список», приводы за драки и наркотики… тебя закроют. Минимум — колония для несовершеннолетних. Ты там не выживешь, рыжая. Сгоришь за месяц.

Михаил замолчал, барабаня пальцами по столу. Затем он наклонился ближе, так что Настя почувствовала запах крепкого табака и дешевого кофе.

— Есть один вариант. Закрытая школа-интернат под Выборгом. Академия «Маннергейм». Это место для таких, как ты: тяжелых, неуправляемых, но талантливых детей влиятельных родителей или тех, кому просто некуда идти. Официально — тебя отправят туда на принудительное перевоспитание вместо срока.

— Школа? — Настя горько усмехнулась. — Ты предлагаешь мне уроки истории вместо камеры?

— Я предлагаю тебе сделку, — отрезал дядя Миша. — В «Маннергейме» творится чертовщина. За последние полгода там бесследно исчезли трое учащихся. Руководство всё замалчивает, полицию на порог не пускают — статус заведения не тот. Нам нужен свой человек внутри. Тот, кто умеет слушать, втираться в доверие и не боится лезть на рожон.

Настя подняла голову. Карие глаза, в которых еще недавно плескался азарт рок-звезды, теперь были холодными и пустыми. Она понимала: это не выбор, это петля, которую ей предлагают ослабить.

— Я должна найти их? — спросила она.

— Ты должна выяснить, куда они делись и кто за этим стоит. Если справишься — дело о Саше закроем по чистой самообороне. Будешь свободна. — Если нет, — голос дяди Миши стал почти вкрадчивым, — то дело о самообороне магическим образом превратится в преднамеренное убийство с отягчающими обстоятельствами. И поверь, в том мире, куда я тебя отправлю, твоя слава «рок-звезды» станет твоим проклятием. Там не любят шумных девочек, Настя. Там любят тишину.

Он толкнул папку через стол. Она легла перед ней, как приговор.

— Там нет интернета, нет фанатов и нет твоей гитары. Только дисциплина, старые стены и люди, которые очень не хотят, чтобы их секреты всплыли наружу. Тебя отвезут туда сегодня ночью. Никаких вещей, никаких связей. Ты — чистый лист, Настя Крылова перестает существовать. С этой минуты ты — просто ученица с «трудным характером».

Настя положила ладони на холодный картон папки. Она чувствовала, как внутри, под слоями шока и страха, начинает пульсировать что-то холодное и расчетливое. Это был не азарт, а инстинкт выживания, который всегда спасал её на сцене, когда аппаратура летела к чертям, а толпа выходила из-под контроля.

— Как я пойму, кто свой, а кто враг? — спросила она, поднимая глаза на дядю.

Михаил усмехнулся, но в его глазах не было ни капли веселья.

— В «Маннергейме» нет друзей, Настя. Есть только те, кто еще не успел тебя предать. Ищи тех, кто смотрит не на расписание занятий, а на камеры наблюдения. И помни: если ты начнешь задавать вопросы, они услышат. В тех стенах тишина имеет уши.

Он встал, поправляя помятый пиджак.

— Машина ждет у черного входа. У тебя есть десять минут, чтобы попрощаться с этим городом. Посмотри в окно, племяшка. Петербург умеет прятать концы в воду лучше любого убийцы.

Настя медленно поднялась. Ноги слушались плохо, но спина оставалась прямой. Она подошла к зарешеченному окну допросной. За ним город всё так же жил своей жизнью: огни, мокрый асфальт, бесконечные отражения в каналах. Только теперь она знала, что за этим фасадом скрывается не просто мистика, а настоящая, осязаемая бездна.

Она прижала ладонь к холодному стеклу. Где-то там, в глубине системы, её уже ждала «Маннергейм» — школа, превратившаяся в кладбище для тех, кто оказался слишком любопытным.

— Дядя Миша, — окликнула она его, когда он уже взялся за ручку двери.

Он обернулся.

— А если я найду их... но они уже мертвы? Что тогда?

Полковник замер на секунду, глядя на неё тяжелым, почти сочувствующим взглядом.

— Тогда, Настя, молись, чтобы ты нашла их раньше, чем они найдут тебя.

Дверь захлопнулась, оставив её в тишине, которую нарушал лишь далекий, едва слышный гул Невы. Настя глубоко вздохнула, взяла папку и вышла в коридор, где её уже ждали двое молчаливых людей в строгих костюмах. Путь в «Маннергейм» начался.

Первое, что она увидела, войдя в машину, был конверт, лежащий на сиденье. Внутри был не только пропуск, но и маленькая флешка. И записка: «Не доверяй даже собственной памяти». Пейзаж за окном становился всё мрачнее: карельские скалы, густые хвойные леса и тяжелое серое небо, придавленное к земле. Выборг встретил их холодным туманом, в котором тонули шпили старых зданий.

Машина остановилась перед массивными коваными воротами, за которыми в глубине парка возвышалось мрачное готическое здание из темного камня. Высокие окна-бойницы смотрели на Настю с немым упреком. Здесь не пахло рок-н-роллом. Здесь пахло сыростью, старыми тайнами и страхом.

Настя поправила рюкзак, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку. Она знала: её прошлая жизнь сгорела в той гримерке. Теперь она была не солисткой «Фантомного резонанса», а приманкой в чужой игре. Она сделала шаг вперед, глядя на темный силуэт академии.

— Ну привет, Маннергейм.

Скрежет кованых ворот за спиной прозвучал как приговор. Внутри территория академии казалась вымершей: идеально подстриженные газоны соседствовали с вековыми соснами, чьи кривые ветви царапали низкое небо. На крыльце главного корпуса Настю ждал мужчина в строгом сером костюме, который сидел на нем как панцирь. Его лицо, иссеченное глубокими морщинами, не выражало ничего, кроме брезгливости.

— На пол. Всё из карманов и рюкзака, — голос его был сухим, как треск ломающихся костей.

— Я могу сама… — начала было Настя, но мужчина сделал резкий шаг вперед, и она инстинктивно отпрянула.

— Здесь нет «я», Крылова. Есть правила. Вытряхивай свои заначки: таблетки, траву, сигареты, телефон. Если найду сам после того, как ты скажешь, что ничего нет — отправишься в карцер на неделю. А там, поверь, ты быстро забудешь, как петь.

Настя медленно выложила на холодный камень разбитый смартфон, пачку сигарет и зажигалку. Мужчина профессионально прощупал швы её куртки, заставил снять тяжелые ботинки и даже расплести рыжие волосы, проверяя, не спрятано ли там чего. Убедившись, что она «чиста», он кивнул в сторону тяжелой дубовой двери.

— Твоим куратором будет Василина. Живо внутрь.

—Кто блять?

Пробубнила та себе под нос, однако это было громче, чем она ожидала.

—Крылова, следи за выражениями, иначе вылетишь отсюда, так и не зайдя внутрь. Что за дети пошли, грабят, убивают, употребляют.

Девушка лишь закатила глаза на высказывания странного мужчины и зашла внутрь здания. В холле её встретила девушка, которая выглядела в этом мрачном месте как заблудившийся ангел. Василина была воплощением безупречности: идеально отутюженная форма, каштановые волосы, которые до совершенства были прямыми, уложенные волосок к волоску, и кроткая улыбка. Но Настя, привыкшая видеть фальшь, сразу заметила пугающую бледность её кожи и то, как сильно выпирали ключицы под воротничком блузки. Василина была болезненно худой, почти прозрачной.

— Здравствуй, Настенька, — пропела она мягким, убаюкивающим голосом. Это звучало совершенно не мило из её уст, а до ужаса пугающе. — Пойдем, я покажу тебе наш новый дом. У нас здесь очень строго, но если соблюдать режим, то всё будет хорошо.

«Тут вообще есть что-то нормальное?»- вдруг прозвучало у Крыловой в голове.

Они пошли по длинным коридорам, где пахло хлоркой и старым деревом. Василина вела экскурсию, указывая на столовую, библиотеку и учебные классы, но её голос звучал механически. Когда они подошли к развилке, ведущей к массивному железному занавесу в конце коридора, Василина резко остановилась.

— А туда? — Настя кивнула на темный проход.

— Это западное крыло. Туда вход строго запрещен, — улыбка Василины на мгновение дрогнула. — Меры безопасности. Старый корпус был сожжен несколько лет назад, там обрушены перекрытия. Нарушение этого запрета карается немедленным исключением… или чем-то похуже.

-Чем-то хуже? Ты что имеешь ввиду?

Тебе лучше просто следовать правилам- её мимика лица вновь изменилась, буквально на секунду, но этого было достаточно чтобы интерес Насти загорелся. Она любила все запретное и неизвестное, ей хотелось нырнуть в этот корпус с головой, узнать всю правду. Однако, Васина не дала бы этого сделать, даже при самом большом желании.

Их прогулка прервалась, когда до слуха Насти донеслись знакомые звуки. Гитара. Нестройная, но живая. Старый инстинкт сработал быстрее разума: она толкнула дверь музыкального класса и замерла.

В комнате было трое. У окна, с гитарой в руках, стоял парень, чья бледность могла поспорить с цветом мела. Черные кудри обрамляли лицо с резкими, почти хищными чертами. Это был Алексей.

— Кто впустил сюда эту рыжую дешевку? — процедил он, не прекращая играть. — Я ясно дал понять: мне не нравится, когда в мое пространство вторгаются посторонние.

— У тебя пространство как у хомяка, — огрызнулась Настя, проходя вглубь класса. — Гитара расстроена, «мастер».

Леша замер. Его кудри, казалось, встали дымом от ярости, а взгляд карих глаз стал ледяным. Создавалось впечатление, словно эти двое уже давно знакомы и знают потаенные секреты друг друга. В глазах сиял огонь, а искры еще немного и устроят второй пожар.

— Еще одно слово, и ты узнаешь, почему в этой школе детей учат молчать.

За его спиной на кожаном диване развалился Влад — сын какого-то олигарха, чьи зрачки были расширены до предела. Он вяло улыбался, явно находясь под кайфом, и даже не пытался скрыть дрожь в руках. Третьим был Женя. С первого взгляда он казался самым нормальным: светлые волосы, открытая улыбка до ушей, добрые глаза. Но было в этой улыбке что-то жуткое. По школе ходили слухи, что он сжег свой паспорт прямо перед носом у полицейских, смеясь им в лицо.

— Оставь её, Лех, — подал голос Женя, продолжая улыбаться своей пугающе широкой улыбкой. — Новая кровь всегда интересна. Главное, чтобы она не свернулась слишком быстро.

— Экскурсия закончена, — сухо перебила Василина, хватая Настю за локоть. Её пальцы были ледяными, как у трупа. - Тебе пора в комнату, пока еще чего-нибудь не натворила.

Девушка хотела было отдернуть руку и свалить из этого богом забытого места, но миссия дяди не давала ей покоя. Впервые за многие годы Крылова решила промолчать и послушать неизвестного ей человека.

Василина не просто вела её по коридорам — она почти тащила Настю, стараясь не привлекать лишнего внимания других учеников, которые с любопытством провожали их взглядами. Днем интернат «Маннергейм» выглядел еще более пугающе, чем ночью: высокие потолки и строгие готические своды давили своей монументальностью, а солнечный свет, пробивающийся сквозь узкие стрельчатые окна, выхватывал лишь пылинки, кружащиеся в затхлом воздухе. Портреты основателей академии, казалось, сверлили её спину тяжелыми, немигающими взглядами.

— Слушай меня внимательно, — прошептала Василина, остановившись перед массивной дубовой дверью в конце второго этажа. В коридоре было тихо, слышалось лишь далекое эхо чьих-то шагов и гул занятий в учебных классах. — Здесь не просто не любят лишних вопросов. Здесь за них наказывают. И я не о выговорах от директрисы.

Она с силой толкнула дверь, и та с противным скрипом поддалась, открывая вид на аскетичную комнату с двумя кроватями.

— Это твое место. Вторая кровать пустует с прошлой недели, — Василина замолчала, и в этом молчании Настя услышала не страх, а тяжелое, вязкое знание. — Если услышишь днем за стеной скрежет в вентиляции — не вздумай проверять. Если увидишь в коридоре того, кто идет, не отбрасывая тени даже под прямыми лучами солнца — закрой глаза и притворись, что тебя здесь нет.

Настя с вызовом посмотрела на неё. В ней снова проснулся тот самый протест, что когда-то заставлял её выходить на сцену с разбитыми в кровь костяшками.

— Почему ты мне помогаешь? — прямо спросила она, не обращая внимания на ледяную хватку на локте. — Или это тоже часть какой-то местной иерархии?

Василина вздрогнула, словно от удара. Она медленно повернула голову, и в ярком дневном свете, падающем из окна, Настя впервые разглядела её лицо в деталях. Бледная кожа, казавшаяся почти прозрачной, синяки под глазами и странный, стеклянный взгляд, направленный куда-то сквозь собеседницу. Василина не ответила на её вопрос и вскоре скрылась за колонной, оставляя Крылову в полном одиночестве.

Первая ночь в «Маннергейме» стала испытанием, к которому не подготовила бы никакая подготовка спецслужб. Когда солнце, наконец, скрылось за острыми шпилями академии, здание преобразилось. Дневная пыль сменилась плотной, почти осязаемой темнотой, которая просачивалась сквозь щели в оконных рамах и оседала на стенах тяжелым налетом.

Настя лежала на жесткой койке, уставившись в потолок. В комнате пахло старой бумагой и чем-то сладковато-приторным, напоминающим увядшие цветы. Тишина здесь не была отсутствием звуков — она была их искаженной формой. Скрип половиц в коридоре, шорох за

вентиляционной решеткой, далекий, едва слышный гул, напоминающий ритмичное дыхание огромного зверя.

Она не могла заснуть, это место словно съедало её заживо, поворот на один боком, затем второй, третий, и так, пока веки не стали тяжелеть, сознание проваливалось в липкую, серую бездну. Сон пришел рывком, без предупреждения.

Она снова стояла на сцене, но свет софитов был холодным и мертвенно-белым. Звук гитарного риффа превращался в скрежет металла по стеклу. Саша стоял прямо перед ней, его лицо искажала гримаса ярости, превращая человеческие черты в подобие маски. Его крик — пронзительный, срывающийся на визг — заполнял всё пространство, вытесняя воздух из легких.

«Ты сломала всё, Настя! Посмотри, что ты наделала!»

Она смотрела на свои руки. Они были по локоть в густой, темной субстанции, которая не засыхала, а продолжала медленно течь по пальцам, капая на кафель гримерки. Саша схватил её за плечи, его пальцы впивались в кожу как стальные когти. Настя видела его глаза — остекленевшие, неподвижные, лишенные жизни, но при этом продолжающие смотреть на неё с немым укором. Этот посмертный взгляд был страшнее любой боли.

Она пыталась закричать, но вместо голоса из горла вырывался лишь тот же приглушенный стон, который она слышала в гримерке перед убийством. Мир вокруг начал плавиться: стены интерната вплетались в декорации сцены, коридоры «Маннергейма» бесконечно удлинялись, уводя её вглубь, к подвалу, откуда доносилась её собственная песня.

Настя вскинулась на кровати, срывая с себя холодное, липкое от пота одеяло. Сердце колотилось в ушах как набат. Она судорожно хватала ртом воздух, чувствуя, как стены комнаты сжимаются, словно пытаясь раздавить её.

В темноте что-то шевельнулось.

Настя замерла. В углу комнаты, там, где свет луны не мог достать до пола, сидела фигура. Неясный, дрожащий силуэт, лишенный четких очертаний. Она не дышала. Она просто смотрела на Настю, и в этом взгляде было то же самое, что она видела в глазах Саши в своем кошмаре.

— Кто здесь? — прошептала Настя, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Ответа не последовало, но в ответ на её голос из вентиляции донесся короткий, сухой смешок, сменившийся тихим, ритмичным постукиванием. Тук-тук. Тук-тук. Будто кто-то выбивал такт её песни, медленно, по слогам, разрушая остатки её рассудка.

Настя зажмурилась, впиваясь ногтями в ладони, до боли, до крови. Это сон, твердила она себе. Ты всё ещё спишь. Но когда она снова открыла глаза, фигура в углу стала отчетливее. Это была девушка, совсем юная, с неестественно вывернутой шеей. Она медленно подняла руку, указывая тонким пальцем на дверь, ведущую в коридор. Певица поднялась с кровати, её ноги дрожали, но в глубине карих глаз, несмотря на весь ужас, вновь загорелся тот самый азарт, который она считала утраченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.